

Идеал фантазии (Екатерина Дашкова)

Автор:

[Елена Арсеньева](#)

Идеал фантазии (Екатерина Дашкова)

Елена Арсеньева

Госпожа сочинительница

Главное предназначение женщины – заботиться о муже и детях, вести домашнее хозяйство. А если этого мало? Если в сердце горит огонь творчества, если любовное чувство выражается в виде поэтических строк? Для таких дам один путь – заняться литературой. Но на этом пути встречается столько терний и невзгод, что судьбам поэтесс позавидовать трудно. И все же – они прекрасны! О том, как жили и творили Зинаида Гиппиус, Каролина Павлова, Марина Цветаева и другие, прославившие себя в веках поэтессы, читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Елена Арсеньева

Идеал фантазии

(Екатерина Дашкова)

Барыня! Пробудитесь!

Катерина Романовна, не открывая глаз, а, напротив, зажмурившись покрепче, высунула ногу из-под стеганого одеяла и пнула туда, откуда доносился докучливый голос.

Послышалось ойканье, и она поняла, что угодила прямо в цель. Чудесно! Можно еще поспать.

Однако голос не унялся, только сделался плаксивым:

- Не гневайтесь, откройте глазоньки, ради Христа! Сами ж велели будить вас, коли от государыни пришлют!

Что?!

Княгиня Дашкова резко села и зажмурилась теперь от света, бывшего в окно.

Позвольте, какой свет? Откуда свет? Когда она ложилась, бледно брезжила белая ночь! А теперь что - утро?! И, судя по всему, позднее утро?!

Она схватила подушку и запустила в босую, заспанную девку, переминавшуюся с ноги на ногу:

- Ты меня почему не разбудила чуть свет? Запорю! Продам с торгов!

- Так не было велено! - в голос взвыла та. - Вы сказывали - коли от портного либо от императрицы приедут, будить тогда. А про чуть свет и слова говорено не было!

Катерина Романовна швырнула в девку вторую подушку и проворно сбросила с постели свое низенькое, плотное тельце.

- Слезы утри! Воды подай - умыться! Принес ли портной платье мужское?

- Никто ничего не принес, - размазав по лицу слезы, обиженно пробубнила девка. - Ни мужского платья, ни дамского. - И брякнула на столик малую лохань с водой, конечно, расплескав ее.

Однако княгиня, которая в любое другое время не поскупилась бы на оплеуху неряхе, на сей раз этого словно и не заметила.

– К-каналья! – простонала Катерина Романовна, хватаясь за голову, на которой торчали две жиденькие косицы, заплетенные на ночь. – Ах, каков же каналья этот портной!

И в самом деле – другого слова не подберешь! Еще две недели назад Катерина Романовна заказала мужской костюм, который мог ей понадобиться со дня на день. Вот-вот должны были грянуть великие события, и прозорливая умница княгиня Дашкова понимала: во время их всякое может случиться. Небось и верхи придется скакать, и ночевать где придется. С корсетами да нижними юбками намаешься! Нет, без мужского платья никак нельзя!

Ну что ж, явился портной, произвел обмеры, намалевал будущий костюм на бумажной четвертушке: вот этак будет в талии, рукава таковы, на панталонах пуговицы, а на камзол полагается шарф, получил одобрение княгини и задаток за шитье – и удалился.

Наконец день, ради коего костюм заказывался, приблизился вплотную! Катерина Романовна срочно известила Шмидта – такова была фамилия портного, понятное дело, немца, ибо в Петербурге что ни портной, то немец либо француз, наши-то, русские, топором кроят, шилом сшивают! – известила его, значит, что костюм будет ей потребен уже завтра. Портной явился по зову, принес картонку с готовым платьем. Однако работа оказалась не сделана. То есть, в общем-то, сделана, однако в ней обнаружилось множество мелких недоделок. Пуговицы Катерине Романовне решительно не понравились: мелки и невзрачны, шарф был не к лицу, слишком впрозелень, а зеленые тона ей с молодых девичьих лет не шли, когда вроде бы всякое пристанет, но нет... Голубой, она же голубой шарф просила! Но это еще полбеды. Куда хуже, что сам камзол оказался обужен, панталоны немилосердно жали в шагу и на икрах лопались, причем портной имел наглость утверждать, будто сие не он напортачил, неверно выкроивши, а их сиятельство княгинюшка раздобреть изволили со времени снятия мерок.

Чепуха, сущая, оскорбительная чепуха и чушь! С чего Катерине Романовне было добреть? В преддверии великих событий, породительницей и организаторшей коих молодая княгиня себя искренне полагала, она днями маковой росины во рту не держала! Правда, порою среди ночи находил на нее неистовый едун, такой, что час, а то и другой проводила за столом, уже и стряпуха с горничной привыкли, что лишь только проночь-заполночь, надобно быть готовыми княгине запоздалую трапезу из трех-четырёх блюд подавать, да чтоб со щами либо с куриной лапшой, да чтоб опосля всего – непременно пирожное либо ягодный

кисель с молоком...

Ну и что? Раз в сутки покушать – это же для поддержания души в теле, а не самого тела! Нагло лгал каналья портной: не Катерина Романовна раздобрела, а он сам по неумению да криворукости обузил костюм! Конечно, княгиня его взашей выгнала, приказав, хоть душа из него немецкая вон, а к ночи ей расшитый, расставленный костюм с другими пуговками и не зеленым, а голубым шарфом представить!

Шмидт пообещался, но попросил еще денег в дополнение к задатку. Княгиня, разумеется, не дала... И вот обманул, проклятая немецкая каналья! Обманул и без ножа зарезал! Катерина-то ведь Романовна не спать залегла, а лишь прикорнула, с минуты на минуту ожидая портновского появления, после чего она в мужское платье должна была переодеться и ехать к своей драгоценной подруге, которую она, княгиня Дашкова, замыслила возвести на престол Российской империи взамен супруга ее, монструозного императора Петра III Федоровича...

Портной не прибыл. Она проспала.

И вот теперь явился к ней посланный... Что он скажет?! Уж не беда ли стряслась над головой обожаемой государыни? Уж не рухнуло ли все дело за неимением дашковского пригляда?

Катерина Романовна поспешно обмахнулась крестом (господи, помилуй!), накинула легонькую утреннюю робу[1 - Роба или роброн (от robe ronde – букв. франц. – круглое платье) – старинное женское платье с очень широкой колоколообразной юбкой на кринолине. Шили его обычно из бархата, штофа, атласа и др., однако в обиходе робами или робронами называли и домашнюю одежду.] и, духовно обмирая, выбежала из спальни.

Между приемной комнатой и гостиной нетерпеливо топтался Ласунский, офицер Измайловского полка. Выражение лица его было самое взбудораженное.

Катерина Романовна так к нему и кинулась:

– Что? Отчего вы здесь? Каковы обстоятельства?!

Ласунский начал было говорить, но в первую минуту не мог справиться с голосом. Наконец выдавил:

– Свершилось! Государыня Екатерина Алексеевна при поддержке нашего полка вошла в столицу и провозглашена главой империи!

Катерина Романовна покачнулась, и Ласунский простер было руки, чтобы ее поддержать. Однако на лице ее мелькнула такая брезгливая мина, что он немедленно убрал руки за спину.

Княгиня тотчас справилась с мгновением слабости:

– Хорошо... спасибо... Где она сейчас?

– В Летнем дворце.

– Она сама за мной послала?

Ласунский на мгновение замялся: такого приказа от государыни не поступало, ехать за ней приказал князь Репнин, поклонник ума и натуры княгини Дашковой, племянник Панина, воспитателя юного цесаревича. Может, конечно, статья, что сделано сие было по приказу новой государыни, однако наверное Ласунский этого не знал. Что же ответить, дабы не обидеть вспыльчивую Катерину Романовну?

Дашкова, впрочем, не заметила заминки: она уже кричала во весь голос:

– Одеваться! Подать парадное платье!

Ласунский вздохнул с облегчением: на скользкий вопрос можно не отвечать...

Не прошло и получасу, как от дома Дашковых отъехала карета в сопровождении верхового. Верховым был Ласунский, в карете сидела княгиня, вся белая от волнения, нетерпеливо тискавшая ледяные руки.

Боже мой, боже мой... неужто сбываются мечты?! Неужто любимая подруга, идеал фантазии, сделалась уже государыней?! Какое счастье для Отечества, во

главе коего станет просвещенная монархиня! Надо полагать, она не позабудет, кому прежде всего обязана удачею замысла. Да и самим замыслом, если на то пошло! Ведь подругою, советчицей, наперсницей Екатерины Алексеевны, в то время еще не императрицы, а великой княгини, была не кто-нибудь, а одна из умнейших женщин российской империи.

...Всегда с того самого дня, как дочь графа Романа Илларионовича Воронцова, Катерина, стала осознавать себя и мир вокруг, она знала, что всего разом от судьбы получить невозможно: либо ты красива, либо умна! В чрезмерно большую на низеньком, кургузеньком тельце голову Катерины господь не поскупился вложить разума гораздо больше, чем потребно женщине, которая, как известно, не более чем тень и отражение своего супруга. Однако в то время, как Катерина получала в качестве небесного дара свой ум-разум, красоту расхватили другие девицы. Ее двоюродная сестрица (дочь Михаила Илларионовича Воронцова, канцлера императрицы Елизаветы), вместе с которой Катерина воспитывалась, была сказочно хороша, однако сущая гусыня при этом. У них были одни учителя, и если Катерина показывала блестящие знания в математике, языках, истории и литературе, то на уроках танцевания шагу не могла шагнуть без того, чтобы не оступиться да еще не спутать при том фигуру. Кузина порхала пташкою, но на прочих уроках сидела колодою. При этом все, кто только ни взглядывал на ее прелестное, цветущее личико, прочили ей блестящую партию. Ну а на Катерину взирали с жалостью, хотя и не скупилась на похвалы ее начитанности. На свои собственные карманные деньги она уже к пятнадцати годам собрала библиотеку из девятисот томов, вдобавок все их прочесть умудрилась, в то время как в самых достаточных семействах едва пяток книг можно было сыскать, да и то какие-нибудь замшелые календари в придачу к Священному писанию. Вследствие этого Катерина, бывшая девицею чувствительной (ведь среди собранных ею книг были Бейль, Монтескье, Буало и Вольтер, а ученые мужи эти не токмо философствовали на отвлеченные темы, но и по мере сил описывали сердечные содрогания, именуемые любовью), уверилась в своем грядущем одиночестве и почти приготовилась к участи старой девы. Но участь сия ее чрезмерно не тревожила, она в душе своей знала, что охотно провела бы век одна, за книжками, в окружении лишь нескольких любимых подруг, столь же красивых, как дочка графа Михаила Илларионовича...

Как это ни странно, Катерина естественной женской ревности и зависти к красивой кузине была начисто лишена и хоть раздражалась ее откровенной глупостью, все же искренне благоговела перед ее совершенной красотой. Столь

же нравилось ей глядеть и на прочих красивых барышень, и даже к простоте их она относилась снисходительно. Уродок же недолюбливала. Сестрицу свою Елизавету, бывшую лет на семь ее старше и уже определенную с малолетства во фрейлины к великой княгине Екатерине Алексеевне, терпеть не могла, ибо посмотреть там было решительно не на что: чрезвычайно тоща, кривобока, горбата, тонкогуба, оспою битая, с дурными зубами и манерами, пристрастная ко всем порокам... Однако была она одержима мужчинами, и скоро прошел слух, будто Елизавета, несмотря на явное уродство свое, одержала победу над сердцем не кого-нибудь, а самого великого князя Петра Федоровича! Может статья, кстати говоря, уродство ей в сем деле оказало добрую услугу, ибо вкусы и пристрастия у великого князя были с откровенной порчинкой...

Впрочем, оставим Петра Федоровича и его вкусы до поры до времени в покое.

Итак, одинокая участь юную Катерину Романовну Воронцову не слишком беспокоила, однако она, несмотря на молодые лета, уже хорошо понимала, что надобно считаться с условностями общества, в коем живешь. А в том обществе полноценной, уважения достойной и хоть какие-то самые малые права имеющей женщиной считалась только мужняя жена. Лучше всех жилось богатым вдовам – они были сами себе полные хозяйки, но ведь это не каждой так повезет, чтобы муж и богатый был, и помер бы незамедлительно после свадьбы... Девичам же предписывалось непременно и как можно раньше найти супруга, ну а коли это сделать не удавалось, они почитались горькими неудачницами, удостаивались всеобщего презрения и должны были присмотреть себе монастырь по душе, чтобы там замолить грех своей неудачливости.

Поэтому Катерина Романовна потихоньку вслушивалась в досужие беседы, касаемые всяких таких пренеприятнейших предметов, как сватовство, женитьба, роды... Бр-р-р! Имя князя Дашкова мелькало среди них достаточно часто, чтобы обратить на себя ее внимание. Холост, молод, небогат, увы, да ладно, сама Катерина богата, не зря же отец ее, граф Роман Илларионович, носит прозвище «Роман большой карман». Он составил состояние на основе приданого первой жены, да и дядюшка Михаил Воронцов, канцлер императрицы, радел всеми силами брату, да и сама императрица Елизавета Петровна не оставляла милостями человека, который некогда ссужал деньгами ее, опальную, всеми забытую цесаревну, не имевшую никаких надежд на будущее...

Словом, молодой Дашков вполне годился бы в женихи, кабы не одна загвоздка: он к Катерине Воронцовой покуда еще не сватался, а может статья, и вовсе

такого намерения не имел. Ну и ладно, на нем свет клином не сошелся, были в Петербурге и другие женихи. Более всего Катерина хотела бы сейчас не замуж идти, а завести задушевную подругу – столь же много книг прочитавшую, столь же романтически-мечтательную и при этом расчетливо-разумную, как она сама. А еще – красивую, чтобы смотреть на нее было приятно Катерине, которую бог обделил естественной женской радостью: с удовольствием на себя в зеркало глядеть... Конечно, сама в исполнение такой мечты она не верила, подругу почитала идеалом фантазии. С мужем устроить дело оказалось куда проще.

За исключением Итальянской оперы, которую Катерина слушала один или два раза, она редко выезжала. Из частных домов она посещала семейство князя Голицына да Самариных, родственников своей покойной матушки. Как-то раз Катерина осталась у родственницы на поздний ужин, а потом та проводила ее до кареты, ожидавшей в конце улицы.

Стоял чудесный летний вечер, и дамы были радешеньки пройтись пешком. Но едва они сделали несколько шагов, как из туманного лунного сияния явилась пред ними мужская фигура. Катерине от неожиданности почудилось, будто человек – росту непомерного, да и черты его в лунном свете казались особенной красоты и одухотворенности.

– Кто сей? – спросила она госпожу Самарину и с изумлением выслушала ответ:

– Князь Дашков. – Затем присовокуплено было не без вздоха: – Сколь романтическая встреча...

«Романтическая встреча» была непременно атрибутом всех любовных историй, которые доводилось читать Катерине Романовне. И в ту минуту ей даже и самой захотелось написать некую романическую выдумку о собственной судьбе, о том, как из мимолетной встречи среди лунной ночи вылилась неистовая страсть...

«К мужчине?» – не без брезгливости спросил некий голос, всегда живший в тайниках ее натуры, поскольку с восторгом наблюдала Катерина Романовна только за женской, но никак не за мужской красотой.

Красота мужского лица? Мужского тела? Она почитала даже сами мысли об том нелепыми и непристойными...

И уклончиво ответила сему тайному голосу:

«Ну и что же? Это ведь не в жизни будет, а только в истории моей! Каждый сочинитель по мере сил своих лжив в изящной словесности, не то читатели с тоски небось померли бы – только про истинное да правдивое читать! Когда-нибудь я напишу, непременно напишу историю своей жизни, и даже если страстная любовь к мужчине меня обойдет, я все ж ее изображу – и для того, чтобы выставить себя в возможно более выгодном свете, и для того, чтобы сделать сочинение мое привлекательным для грядущего читателя, но главное – чтобы заставить прочих дам мне завидовать. Вот-де эта Дашкова – собой не бог весть что, так нет же – возбудила к себе страсть неистовую в супруге и сама на неистовые чувства способна оказалась! Напишу что-нибудь в таком роде: „В этой нечаянной встрече и взаимном более чем благоприятном нашем впечатлении я видела особые следы провидения, предназначившего нас друг другу...“ А что до того, какие мечты и грезы будут меня волновать на деле, – это уж останется моею сокровенной тайною!»

Провозгласив, таким образом, свое будущее творческое кредо (как выражаются литературные критики – люди, склонные к патологоанатомическому подходу к писательскому ремеслу), Катерина Романовна и не заметила, что видит себя с Дашковым уже обвенчанною...

Теперь чаемое осталось воплотить в жизнь.

И вновь сложились к тому благоприятные обстоятельства! На балу у дядюшки Воронцова князь Михаил Дашков был представлен Катерине Романовне. Заиграли аллеману, но девица приняла строгое выражение, напроочь исключавшее приглашение к танцу. Впрочем, князю Михаилу медведь на ухо наступил, он тоже был в танцах не больно силен и славу галантного кавалера завоевал и поддерживал отнюдь не ужимками и прыжками танцевальными, а задушевными разговорами с миленькими барышнями и даже хорошенькими дамами. Вот и теперь, играя глазами, он сопровождал Катерину Романовну в укромный уголок залы и, усадив в кресло, пристроился рядом в почтительном полупоклоне, спросив:

– Помните ли, графиня, тот вечер, когда я имел удовольствие видеть вас впервые?

Катерина Романовна послала ему взгляд, который с известной натяжкой можно было бы считать игривым. Дашков, составивший о ней представление как о сущей колоде в роброне, малость воспрял духом и с более приватной ноткой в голосе спросил:

– Ах, как светила луна, не правда ли? Согласитесь же, милая графиня, есть нечто чарующее в тех лучах, кои изливает луна в два сердца, друг к другу расположенные и друг для друга созданные?

Подобную околесицу князю Михаилу приходилось нести сплошь и рядом. Находились барышни, кои немедленно подхватывали брошенную перчатку и вступали в сию незамысловатую словесную дуэль; другие отмалчивались, играя глазами и рассыпая вороха взглядов, говоривших громче слов... Однако оригинальностью своего ответа Катерина Воронцова оставила их всех далеко позади и надолго, на несколько лет отбила у князя Михаила охоту романтически зубоскалить с дурнушками, да и с хорошенькими – тоже.

Она задержала взгляд на красивых миндалевидных очах князя Михаила, из-за которых между иными дамами Дашков игриво прозывался «notre ravissant Tcherkess», «наш обворожительный черкес», и призывно махнула проходившему мимо хозяину дома. А когда граф Воронцов приблизился, громогласно заявила:

– Дядюшка, князь Дашков только что просил моей руки!

Самое малое десять человек повертели головы на эту реплику. На счастье, князь Дашков был страстный игрок в покер и не понаслышке знал, что такое – блефовать. Перед главным сановником империи он сумел изобразить живейшую радость от столь внезапно свершившейся помолвки, а перед Катериной Романовной даже измудрился состроить божественный восторг, удержавшись, словно утопающий за соломину, за мысль: ну, она хоть богата! И положился на русский авось...

К слову сказать, для Михаила Ивановича Дашкова жизнь в браке с Катериной Романовной устроилась не столь уж дурно. Столь скоропалительно приобретенная жена его и впрямь оказалась отнюдь не бесприданницей, а главное, на кубышке своей не сидела, а щедро позволяла лазить туда своему расточительному супругу. Она искренне старалась понравиться свекрови и даже

стала изучать русский язык, ибо на нем говорили в Москве, где жила старшая княгиня Дашкова, а Катерина Романовна на немецком да французском изъяснялась куда лучше, чем на языке родимых пенат. Однако вскоре освоила его изрядно. Забавы весьма жадного до женского тела супруга она разделяла, конечно, без особенной охоты и даже стиснув зубы, однако никогда ему не отказывала. Всякий мужчина знает: иной раз так приспичит, что и на родную перину взлететь готов, коли до чужой не добежать! Князь Михаил был из породы петухов – какую курочку топтать, ему было без разницы, а оттого Катерина Романовна дважды подряд беременела.

Из жен, к постельным играм равнодушным, порою произрастают чрезвычайно заботливые многодетные маменьки, однако у мужа княгини Дашковой создалось впечатление, будто Катерина и замуж вышла, и детей родила лишь для того, чтобы упрочить свой статус почтенной уважаемой дамы. Вдобавок что-то такое беспрестанно варилось у нее в голове, и результаты сей умственной стряпни князя Михаила весьма изумляли.

К примеру сказать, она вдруг живо сдружилась с великой княгиней Екатериной Алексеевной, женой наследника-цесаревича Петра Федоровича, к свите которого князь Дашков принадлежал. То есть, вернее сказать, что это великая княгиня удостоила ее своей дружбою, однако ведь, по мнению князя Михаила, для того не было никаких оснований! Прежде всего потому, что Екатерина Алексеевна была прелестная дама, а Катерина Романовна – увы... сам-то он так: да ладно, с лица воду не пить. Во-вторых, Катерине Романовне было в ту пору всего лишь пятнадцать, а великой княгине уже к тридцати подошло. А в-третьих и в самых главных, женился-то Дашков на ком? Не токмо на племяннице канцлера, но и на сестре фаворитки будущего государя! Елизавета-то Романовна Воронцова, родная сестрица Катерины Романовны, была любимой игрушкой Петра Федоровича!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Роба или роброн (от robe ronde – букв. франц. – круглое платье) – старинное женское платье с очень широкой колоколообразной юбкой на кринолине. Шили его обычно из бархата, штофа, атласа и др., однако в обиходе робами или робронами называли и домашнюю одежду.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/elena-arseneva/ideal-fantazii-ekaterina-dashkova>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)